

УДК 930

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ СВЯЗЕЙ В XVIII ВЕКЕ***Мирослав Даниш***

Словацко-российские культурно-просветительские и научные контакты в XVIII в. были весьма разнообразны. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись по инициативе ученых и сыграли важную роль в развитии просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы. Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе – зарубежных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, сложились наиболее благоприятные условия для распространения просветительства и науки, отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относилось к не католической среде в Венгрии. Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда Просвещение достигло своего зенита. Эпоха Терезианского просвещения начала решать задачу установления более широких связей с зарубежными научными центрами. Постепенно открывались границы для взаимной информации и обмена научными воззрениями. Переписка петербургских академиков (Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин) со словацкими учеными является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини. Матей Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также Самуэль Миковини вышли за рамки тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. Продолжателем и преемником Матея Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар. Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей занимало распространение русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья. Важной страницей в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительские контакты в области образования. В этот период значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могиланской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Особое место в совместных отношениях занимали контакты в области медицины. Словацко-русские научные контакты, однако, были в значительной мере спорадическими и не имели систематического характера.

Ключевые слова: научные связи, переписка, просветительство, Петербургская академия наук, Братиславский лицей.

Благодарность: статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Даниш М. Из истории словацко-российских связей в XVIII веке // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 20–47.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47

Переписка Матей Бела с петербургскими академиками

Переписка петербургских академиков с иностранными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини, а также русские ученые Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин^{1,2} [6, с. 168–171; 51, с. 199–240; 52, с. 211–224].

Матей Бел одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе – Петербурга. Его переписка с профессором математики Петербургской академии Христианом Гольдбахом (1690–1764) начинается во время пребывания Гольдбаха в Словакии. Х. Гольдбах посетил Словакию в 1722–1723 годах. В это время М. Бел направил Гольдбаху два письма, которые являются первым историческим свидетельством их научных связей [52, с. 217–218]. Ранее считалось, что академические русско-словацкие контакты начались с переписки М. Бела и Т. С. Байера.

Письма показывают, что Гольдбаха в Словакию привели научные интересы и мировая слава словацких горнорудных городов. Согласно мнению Й. Вавры, Гольдбах предпринял путешествие по Венгрии и посетил Братиславу, где находился с середины сентября до конца 1722 года. В конце января 1723 года он покинул Братиславу, период с августа 1723 г. по январь 1724 г. провел в Банской Быстрице, посетив при этом, скорее всего, и Банску Штявницу. Й. Вавра выяснял план его ознакомительного путешествия по Словакии по датам отдельных писем, направленных различным адресатам³ [52, с. 220–222]. Однако по корреспонденции трудно установить, чем конкретно петербургский ученый занимался в Словакии. Переписку Матей Бела и Христиана Гольдбаха во время пребывания последнего в Словакии дополняют четыре письма 1732–1740 гг., отправленные как из Братиславы, так и из Петербурга⁴ [51, с. 232–236; 59, с. 218–220].

В первом письме (1732 г.) Матей Бел написал: «... Я думал, что могу себе позволить при случае обратиться к Тебе с письмом и оживить в Твоей памяти воспоминание обо мне. Верю, что ты не истолкуешь это превратно, тем более, что,

¹ На материалы, касающиеся переписки М. Бела с петербургскими академиками, обратил внимание Е. С. Кулябко. Почти одновременно первую часть петербургской корреспонденции издал Й. Вавра. Самым ранним известным источником для изучения переписки М. Бела и Т. С. Байера является книга: Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735, Decas I., Pisonii (1735–1742), в которой автор осуществил научную публикацию важных исторических источников XVI–XVII веков. Она содержит три письма из переписки Бела с Байером (из существующих восьми писем).

² Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742).

³ Речь идет о письмах Гольдбаха, посланных из Братиславы в Вену неизвестному адресату, из Кремницы в Падую – Якубу Фащиолату, и из Банской Быстрицы в Падую также Ф. Фащиолату. Письма опубликовал Й. Вавра.

⁴ Речь идет о письме М. Бела Х. Гольдбаху из Братиславы в Петербург от 10.03.1732 г., Х. Гольдбах из Петербурга в Братиславу от 1738 г., письмо М. Бела от 14.07.1739 г и 22.09.1740 г. в Петербург. Письма издал Й. Вавра.

могу тебя заверить, ты никогда не покидал моей памяти, хотя и ушел с глаз моих...» [52, с. 218]. Самой важной частью письма являются рекомендации Самуэлю Миковини, астроному и сотруднику М. Бела, для совместных астрономических наблюдений фаз планет и затмения солнца в Братиславе, Нюрнберге, Париже, Лондоне и Петербурге [52, с. 218].

Следующее письмо датировано 1738 годом. В нем Гольдбах сообщает о смерти их общего друга, петербургского ученого Т. С. Байера. Одновременно он отмечает, что считает своим долгом продолжать товарищеские контакты и обещает выполнить все дружеские просьбы [52, с. 219].

В своем ответе М. Бел выразил соболезнования в связи со смертью друга и приветствовал предложение продолжать сотрудничество, ибо ему уже трудно в его возрасте находить новых друзей, особенно среди иностранцев из дальних стран, где господствует «глубокое молчание или нежелание и неприятие нашего имени, якобы варварского» [51, с. 232–233]. В завершение он сообщает Гольдбаху, что заканчивает книгу «De re Rustica», копию которой он хотел бы направить в Петербургскую академию, чтобы «... не только у лондонцев и берлинцев, но и у Вас (т. е. в Петербурге) осталась для потомков память об имени Бела...»¹ [47, с. 54].

В последнем из сохранившихся писем Бел через Гольдбаха предлагает Петербургской академии рукописную генеалогию Австрийского дома и представляет свою «Хунгарию» [30], которую хочет послать российской императрице [51, с. 234–235].

Корреспонденция Матея Бела и Христиана Гольдбаха является важным источником для изучения первых контактов словацкой и российской науки. Она свидетельствует о том, что отношения между Белом и Гольдбахом были близкими и дружескими² [6]. Это подтверждается очень личным и сердечным характером некоторых писем. Например, перед поездкой Гольдбаха по словацким городам Бел пишет: «Да вернет мне тебя Бог в здравии. Будь здоров и храни любовь к твоему Матею Белу» [52, с. 217], или «...поэтому считаю своим долгом уверить Тебя и спустя столько времени в своем уважении и желании охотно оказать Тебе все дружеские услуги, о которых ты меня просил...» [52, с. 219]. В другом месте Бел пишет: «...будь здоров, и поскольку я, по Твоему предложению, постоянно пользуюсь Твоей дружбой, так и ты приказывай, чтобы ты хотел, чтобы я сделал для Тебя или для Твоих друзей в этом уголке света...» [51, с. 235].

Корреспонденция Бела демонстрирует нам стремление включить развивающуюся словацкую науку в более широкие рамки европейской науки. М. Бел стремился преодолеть насильственное прекращение контактов с зарубежной наукой, которое было обусловлено контрреформаторским давлением иезуитского ордена в конце XVII – начале XVIII веков. Он обратил свое внимание на восток, на Россию, которая благодаря политической деятельности Петра Великого была связана с не католической частью Европы, чтобы постепенно создавать условия

¹ М. Бел в этом труде обобщает и систематически обрабатывает свои знания о современном состоянии венгерского сельского хозяйства – содержании скота, полеводстве и об образе жизни крестьянского населения, живущего на всей территории Венгрии. Авторы книги «Провозвестники словацкой культуры» Й. Тибенски и М. Бокесова-Угерова считают, что М. Бел осознавал научное значение этого труда и именно его представлял на членство в Петербургской академии наук.

² Нельзя согласиться с Е. С. Кулябко, который в статье «К истории словацко-русских связей в XVIII веке» указывает, что эта корреспонденция имела официальный характер.

для восстановления научных связей с зарубежьем. Переписка Бела с петербургскими академиками, которые происходили из протестантской Германии, показывает, что Бел проявлял в этом направлении широкую инициативу, которая является признаком приближающегося Просвещения.

Но еще более это проявилось в переписке с другим петербургским академиком Теофилом Зигфридом Байером¹.

Й. Вавра в своем издании «Послания Матей Бела петербургским академикам» указывает на восемь сохранившихся писем из их корреспонденции 1726–1732 годов² [51, с. 213–231; 25, с. 429; 43, с. 94–97].

Первое письмо адресовано М. Белу из Кенигсберга и датировано 12.01.1726 года [38, с. 408–410]. Уже тот факт, что Бел включил его в свой труд «Adparatus ad historiam Hungariae» под названием «Appendix Epistolica de originibus Hungarorum», позволяет предположить, что его содержание связано с вопросом о происхождении мадьяр. Этот вопрос интересовал профессора греческих и римских древностей Т. С. Байера. Опираясь на взгляды других историков, он не допускал, что венгры происходят от гуннов.

Второе письмо Матей Бел направил «многоуважаемому господину» Теофилу Байеру 24.09.1726 г. из Братиславы³. Квинтэссенцию обширного письма составляет научная проблема происхождения венгров. Бел здесь отвечал на выводы Байера о том, какие народы можно считать народами скифского происхождения. По его мнению, существовали Скифия азиатская и европейская. Каждую населяли свои народы, которые описывают еще античные авторы. Бел на основании исследований и по зрелом размышлении пришел к выводу о происхождении венгров от гуннов, а гуннов, в свою очередь, от скифов. Тем самым Бел критически оценил взгляды Байера, высказанные в предшествующем письме.

Письмо является образцом научной полемики. Несмотря на различия в научных взглядах все письмо выдержано в дружеском тоне. Бел предлагает продолжать обмен письмами и пишет, что не относится к тем, кто объявляет войну научным взглядам других или любит отрицать достаточно обоснованные вещи.

В третьем письме от 08.01.1730 года Бел призывает Байера и далее продолжать обмен научными взглядами, которые касаются изучения скифских древностей [51, с. 223–224]. В частности, он писал: «...Тогда я Тебе ответил и достаточно обширно изложил свои взгляды. Но так как я ничего не получил от Тебя, то думаю, что мое письмо пропало, и что то большое расстояние, которое нас разделяет, лишило меня удовольствия от Твоего письма...» [51, с. 223]. Далее Бел просит Байера прислать свои исследования о скифах и обещает послать ему готовящуюся к изданию «Хунгарию». Затем следуют письма М. Бела от 31.07.1730 г. и 10.03.1732 года [51, с. 224–227]. Из содержания обоих писем становится ясно, что взаимный обмен письмами не проходил так, как ожидалось. Если внимательно присмотреться ко второму письму, то выясняется, что в тот же день,

¹ Т. С. Байер (1694–1738), по происхождению немец, был профессором кафедры греческих и римских древностей Петербургской академии наук с 1725 года.

² Три письма из этой корреспонденции издал М. Бел в труде *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735* (*Decas I. Monumentum IX.*, Pisonii 1742), с. 408–415. На эти письма обратили внимание А. В. Флоровский и Й. Мартинка.

³ *Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735* (*Decas I. Monumentum IX.*, Pisonii 1742). С. 410–413.

т. е. 10.03.1732 г., Бел направил письмо и своему первому корреспонденту, Х. Гольдбаху. Основным содержанием обоих писем являются рекомендации, данные Самуэлю Миковини в адрес петербургского ученого сообщества. Бел ходатайствует за С. Миковини, математика и своего помощника при создании карт Венгрии, и просит, чтобы совместные астрономические наблюдения были включены в общую научную программу многих научных обществ.

В постскриптуме этого письма Бел просил Байера написать поэму для первого тома «*Notitia Hungariae Novae...*»¹.

Хронологически за ним следует письмо Т. С. Байера от 04.09.1732 года [38, с. 414–415]. Матей Бел включил его в свой труд «*Adparatus*», поскольку его содержание позволяет судить о взглядах петербургского академика на происхождение мадьяр. Из предшествующего письма мы узнаем, что М. Бел послал Т. С. Байеру «*Linguae Hungarica et institutiones*»² [51, с. 226], чтобы он сравнил венгерский язык с финским и написал о том, что общего имеют эти языки. Байер хотя и не обещал помощи в этом направлении, однако высказал мнение, что более важным является сравнение венгерского языка с мордовским^{3, 4}. Что касается происхождения мадьяр, то Байер по-прежнему настаивал на своем. Их прародиной он считал территорию между Волгой, Северным океаном и Балтийским морем, где жили народы, говорящие на финских языках. Мадьяры, смешиваясь с этими народами, испытывали их влияние. Переписку завершают два письма М. Бела Т. С. Байеру. К первому, от 16.10.1732 года, он прилагает фрагмент титульной страницы своего труда «*Notitia Hungariae novae geographico-historica*» и просит Байера, равно как и в последнем сохранившемся письме от 16.11.1732 г., обеспечить подписку на это произведение среди интересующихся в Петербурге [51, с. 229–231].

Для полноты изложения, говоря о переписке М. Бела с Т. С. Байером, необходимо вспомнить имя еще одного петербургского академика – Иоганна Георга Гмелина⁵, которое появилось в письме от 24.09.1732 года. Из письма ясно, что Гмелин проявил интерес к научному сотрудничеству и обмену взглядами с Матеем Белом и попросил Байера, чтобы он стал посредником в этих контактах⁶. Корреспонденция Матея Бела с петербургскими академиками и широкая инициатива Самуэля Миковини по сотрудничеству в области астрономии показывает нам, как зреющий дух Просвещения сближал словацких и российских ученых, побуждал их решать многие научные проблемы и задачи. С одной стороны, у М. Бела мы находим сведения о научных планах, о деятельности ученых, видим стремление к взаимной

¹ Эта поэма действительно вышла в первом томе «*Notitia Hungariae novae Geographico historica*» под названием «*Theophilus Sigefridus Bayer, Academiae Petropolitanae socius, et antiquitatus Profesor S. P. D. Mathiae Belio, Societatis Berolinensis Regiae Collegae, Hungariam describenti*».

² Автор предполагает, что речь идет о труде «*Historiae linguae Hungaricae...*, Barolini (1713) или *Der ungarische Sprachmeister zu der edeln ungarischen Sprache, nebst einem Anhang von Gespächen*», поскольку книга Бела под названием «*Linguae Hungaricae...*» неизвестна.

³ Т. С. Байер считает так потому, что финны понимают мордву, с которыми по соседству во времена императора Порфиrogenета жили и мадьяры. Мордва – народ, живущий в настоящее время в центральной части РФ.

⁴ Bel M. *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742)*. С. 415.

⁵ Гмелин И. Г. (1709–1755) был профессором химии и естественных наук в Петербургской академии наук с 1731 года.

⁶ Bel M. *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742)*. [*Adparatus to the history of Hungary, Pisonii 1735 (Decas I. Note IX., Pisonii 1742)*]. С. 414.

информированности, интерес к обмену научными публикациями, обмену научными взглядами, а с другой стороны, у С. Миковини – серьезную попытку к установлению прямых научных контактов с российскими учеными¹ [43, с. 94–95].

Однако условия, в которых эти научные контакты между Словакией и Россией начали складываться, были весьма сложными, касалось ли это территориальной удаленности или вопросов политического характера.

Для развития науки российская среда была гораздо нейтральнее и терпимее, чем в остальной Европе, где сильный контрреформаторский натиск иезуитского ордена вызвал раскол науки и формирование замкнутых сообществ, с одной стороны, протестантских, а с другой – католических стран. В России лично Петр I, лишенный религиозных предрассудков, создал научный институт на неконфессиональной основе – Петербургскую академию наук, куда пригласил ученых из-за рубежа, прежде всего из протестантской Германии.

Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе – зарубежных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. Наука, монополией на которую обладали прежде всего иезуиты, была консервативна и поддерживала связи с католическими научными центрами. Все, что проникало с другой стороны, считалось недопустимым и опасным. Матей Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также Самуэль Миковини вышли за рамки тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, это было возможно отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относилось к не католической среде в Венгрии.

Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда Просвещение достигло своего зенита. Эпоха Терезианского просвещения начала решать задачу обновления более широких связей с зарубежными научными центрами. Постепенно открывались границы для взаимной информации и обмена научными воззрениями.

Адам Франтишек Коллар и русская наука

Продолжателем и преемником Матая Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар (1718–1783).

В Вене А. Ф. Коллар находился под влиянием тамошних просветителей, прежде всего, своего покровителя Г. ван Свитена, который в это время был директором придворной библиотеки и личным врачом Марии Терезии² [47, с. 59; 9, с. 224]. Просветительский дух, захвативший А. Ф. Коллара, повлиял на всю его научную

¹ Самуэль Миковини, картограф и астроном, прокладывал новый путь не только для астрономии, но и для картографии в Словакии. Ему было доверено картографирование венгерской территории в целом и каждой столицы отдельно. С. Миковини в своей картографической методике в качестве основного избрал меридиан, который проходил через коронационный храм в Братиславе. При контроле своих расчетов он исходил из петербургского меридиана, который, по его мнению, был надежно определен и использовался на картах российской империи, составленных учеными И. К. Кирилловым и академиком де Исли.

² Герард ван Свитен (1700–1772) – голландский медик. В 1745 году Мария Терезия пригласила его в качестве личного врача и профессора Венского университета. Являлся членом Петербургской академии наук с 1754 г., где опубликовал несколько работ, например «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях» (перевод М. Тереховского), S. Peterberg 1778. В архиве Российской академии наук сохранилось извещение от 1772 г. баронессы ван Свитен в Петербургскую академию наук о смерти Г. ван Свитена.

и политическую деятельность. Скорее всего, под влиянием Герарда ван Свитена, члена Петербургской академии наук, и интереса к восточным языкам и истории он обратил свое внимание и на Россию. В 1762 году он адресовал ученому Вехтлеру письмо, в котором выказал интерес к установлению научных контактов с российским ученым миром [52, с. 236–240]. Письмо разделено на шесть пунктов-вопросов. В первом пункте он просил рекомендовать ему кого-либо из российских ученых в Петербурге или Москве, с которым он бы мог вести научные дискуссии.

В следующих пунктах он просил у своего русского коллеги русский словарь (русско-латинский, русско-немецкий или русско-греческий), интересовался русскими работами по истории, прежде всего русскими летописями, работами историка Т. С. Байера и особенно его перепиской с Матеем Белом о происхождении мадьяр, просил послать ему образцы языка монголов, татар и других народов, живущих вблизи китайских границ, и, наконец, высказал пожелание о разыскании источников по венгерской истории, в Польше [51, с. 238–239].

Сохранился черновик ответа на письмо Коллара историка Г. Ф. Мюллера¹ [51, с. 239], который приветствовал предложение Коллара консультироваться по вопросам, касающимся российской истории, составной частью которой он считал также историю гуннов, аваров и венгров. На вопросы о русских словарях он отвечал, что существуют два словаря русского языка: Ф. П. Поликарпова [16] и русско-французский словарь [19]. О летописи Нестора он упомянул в том смысле, что она еще не была издана. По просьбе Коллара он разыскал в архиве наследие Байера, где нашел шесть писем его взаимной корреспонденции с М. Белом. Что касается лингвистических работ, то он отослал Коллара к работам Байера в «*Commentarii Academiae Petropolitanae*».

Й. Вавра указывает, что не сохранилось ничего, кроме этих двух писем, и предполагает, что переписка не получила продолжения [51, с. 237]. Окончательный ответ может дать только подробное исследование наследия Коллара, поэтому пока подобные выводы являются преждевременными. Точку зрения Йозефа Вавры можно подкрепить тем фактом, что после вступления на престол Екатерины II отношения между Россией и Австрией ухудшились. Успехи русских войск в Семилетней войне произвели впечатление на Францию и союзную ей Австрию, которые с опаской наблюдали за усилением России и стремились создать альянс против нее. Российская заграничная политика, наоборот, стремилась противопоставить француско-австрийскому союзу коалицию северных государств – России, Пруссии и Англии. В результате этой международной ситуации возможности научных контактов между двумя странами были ослаблены. С другой стороны, о вероятности контактов Коллара с российским ученым миром свидетельствует его литературная организаторская деятельность.

В 1767 году А. Ф. Коллар написал латинскую поэму в честь российской государыни Екатерины II «Обращение к реке Волге». Латинский текст не сохранился, но нам известен его русский перевод, который опубликовал Н. И. Новиков в своем сатирическом журнале «Живописец»².

Важным фактом, который одновременно является свидетельством ориентации Коллара на Россию, является его попытка организовать научную жизнь

¹ Г. Ф. Мюллер (1705–1783) – историк и многолетний секретарь Петербургской академии наук.

² Берков П. Н. Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.: Л., 1951 (Живописец, лист 4, часть II, 1772).

в Словакии [28, с. 141–142]. Он был одним из авторов труда «*Aller unter thänigst – un vor greiflicher Vorschlag zu Erichtung einer Academie oder Gelehrter Gesellschaft zu Pressburg in Hungarn*», проекта по основанию ученого общества или академии в Братиславе [49, с. 11–12]. Этот проект в 1771 году он анонимно представил Марии Терезии. Ученое общество должно было называться «*Academia Augusta*» и строиться по образцу европейских ученых обществ, прежде всего, Петербургской академии наук, которая по своей структуре наиболее соответствовала венгерским отношениям и потребностям. «*Academia Augusta*» должна была иметь четыре секции: философскую, которая занималась бы естественными науками, математикой и физикой, горным делом и т. п.; историческую, к которой кроме истории относилась бы и правовая наука; экономическую, в центре внимания которой были бы проблемы сельского хозяйства и виноделия. Члены четвертой секции должны были заниматься вопросами школы, образования и культуры в Венгрии, а также научными переводами и созданием словарей [48, с. 12]. Если посмотреть на структуру Петербургской академии, то мы увидим, что главный упор также делается на естественные науки¹ [8, с. 70]. Мы находим здесь секцию математическую с арифметикой, алгеброй, геометрией, астрономией, географией и механикой, затем секцию экспериментальной и теоретической физики, химии и ботаники и, наконец, секцию историческую, направлением которой были бы древняя и новейшая история, а также правоведение. Члены братиславской академии подобно тому, как это было в петербургском научном обществе, должны были быть разделены на несколько групп: членов почетных, действительных, членов-корреспондентов и кандидатов. Общим признаком обоих ученых обществ была их подчиненность центральной власти. Если в России академия была подчинена непосредственно императору, который был ее протектором, то в братиславском проекте таким протектором должно было быть некое высокопоставленное лицо, которое обеспечивало бы связь между обществом и государем [49, с. 12].

Проект основания академии в тех условиях был весьма сложным и дорогим и, вероятно, поэтому вследствие позиции венских официальных кругов не был реализован [49, с. 13].

Следующим примером интереса Коллара к русской истории является его труд об угорских народах в России, который он в духе просвещенного абсолютизма и при поддержке Марии Терезии написал в 1772 году² [33, с. 14]. В этой работе Коллар обосновывает правомерность претензий венгерского государя на территорию Малороссии и Подолии.

Видимо, самым важным свидетельством духа и ориентации Коллара является его библиотека, каталог которой вышел в 1783 году³. На 290 страницах списка среди 1310 названий книг мы находим произведения научные, прежде всего, исторические, всех славянских народов – чешские, хорватские, польские. Но больше всего в ней русских книг. Среди них политические труды, описания путешествий, лингвистические работы, исторические труды Татищева, Ломоносова, Крашенинникова, Писарева, Новикова, Сумарокова, затем научные труды иностранных

¹ Проект основания Академии наук и искусств, одобренный Петром I в 1724 году.

² Речь идет о труде: Kollár A. F. *Jurium Hungariae in Russiam*. 1772; труд по приказу Марии Терезии перевели на немецкий язык.

³ Каталог вышел в Вене под названием «*Catalogus praesentatissimorum librorum nec non rarissimorum manuscriptorum bibliothecae Kollarianae*».

членов Петербургской академии наук [47, с. 68]. Среди историков больше всего Коллар ценил Л. А. Шлецера¹.

Это имя он оценивал именно в те времена, когда мадьярское дворянство все более подчеркивало свои права на словацкие территории². Коллар доказывал, что дворянство имеет лишь право пользования, тогда как реальным непосредственным правом собственности обладает только король. Эти взгляды, равно как и представления о автохтонности в Центральной Европе, он сформулировал в книге «*Historiae iuris que publici Regni Ungariae a moenitates*» – «Занимательности истории и публичного права венгерского королевства» [37]. В этой книге он высоко оценил Л. А. Шлецера, просвещенного человека и специалиста по всеобщей истории, нордистике и проблематике происхождения славян. «Это человек прогрессивных взглядов, специалист по славянской истории, который легко распознал современные русские идиомы, многое из их истории, а также русскую летопись Нестора. И хотя у него немного благожелателей, и ни один историк права не хочет его признавать, он первым среди всех напомнил, что славянский народ пришел в римские провинции в VI веке» [37, с. 81–82].

Интерес к России был присущ Коллару в течение всей его жизни. Он попытался завязать контакты с русскими учеными, чтобы познать русскую историю, русский язык, русские исторические труды. Так же как и М. Бела, его интересовал вопрос о происхождении мадьяр, который должен был помочь ему в объяснении вопроса о происхождении и приходе славян и в акцентировании права славян на свою территорию в Центральной Европе.

Если Матей Бел стоял у истоков словацко-русских научных связей, то Адам Франтишек Коллар поднял эти научные контакты на уровень сотрудничества в области славистики. Это произошло в эпоху зарождения национального движения, когда славянские народы, прежде всего те, которые не имели собственной национальной государственности, начали опираться на идею родственности славянских народов как великого этнического образования.

Распространение трудов российских авторов на территории Словакии

Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей принадлежало распространению русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья³. Русские книги привозили с собой на родину и словацкие студенты, завершившие курс обучения в Киеве, Львове, Москве, Петербурге. В этот период в Словакии, прежде всего в интеллектуальных кругах, были известны произведения Ломоносова, Державина, Смотрицкого, Прокоповича,

¹ Август Людвиг Шлецер (1735–1809), российский и германский историк и публицист. Семь лет работал в Петербурге, перевел летопись Нестора.

² А. Ф. Коллар вынужден был часто отбиваться от нападков венгерского дворянства, которому он нанес ущерб изданием труда «*De originibus setper petuopotestatis legislatoriae sacra Apostolicorum regum Ungariae libellus singularis, Vindobonae 1764*».

³ Австрийские и венгерские власти препятствовали ввозу российских книг на Закарпатье, тем самым пытались помешать проникновению «восточнославянского духа» в поработанные славянские земли. Правительство постоянно преследовало как книготорговлю, так и чтение книг «схизматиков». Несмотря на усиленную цензуру со стороны правящих кругов, книги из Украины и России продолжали распространяться среди славян Габсбургской монархии. Все это говорит о нарастающем значении «закарпатского моста» в распространении восточнославянской культуры среди словацкого и других славянских народов.

Козачинского и других. Широко известной была и российская периодика XVIII века: «Санкт-Петербургские ученые ведомости», «Труды Вольного экономического общества», «Экономический магазин» и другие.

В течение всего исследуемого периода книга как средство передачи знаний, культуры, обычаев заняла прочное место в российско-словацком обмене культурными достижениями.

Словацким ученым XVIII века были хорошо известны труды таких замечательных ученых, как Ломоносов, Татищев, Паллас, Гмелин, Прокопович, Баранович и других. Словацкий историк Юрай Прай в своей работе по ранней истории Венгерского королевства, выпущенной в 1774 году, широко использует, а местами дословно приводит высказывания великого русского ученого М. В. Ломоносова [44, с. 69–82]. В своей поэме, посвященной присоединению Крыма к России, он делает на каждой странице многочисленные сноски на исторические работы Ломоносова и Щербатова и фактически излагает историю Российского государства с древнейших времен¹ [24, с. 397]. Одна из работ Юрая Прая находится в Отделе редкой книги Украинского государственного архива. Владельцем ее, как записано в книге, с 1768 года был Йозеф Глинский².

В 1786 году в Словакии, в городе Склене Теплице было основано Общество для развития горного дела, в работе которого участвовали представители 14 государств и областей (Австрия, Англия, Швеция, Мексика, Франция, Россия и др.). От каждой страны на учредительной конференции был избран так называемый директор, который должен был заниматься решением задач своей страны в соответствии с общей программой. Из России принимал участие в работе общества знаменитый ученый П. С. Паллас. От Словакии членами общества стали профессора Горной академии в Банской Штьявнице А. Руппрех и К. Гандингер, горный советник И. Селецкий. Цели общества были передовыми и гуманистическими – посредством развития горного дела приносить пользу всем участвующим странам и человечеству в целом [48, с. 128].

Широкие контакты со словацкой научной средой поддерживала интеллигенция Закарпатья. Со словаком Юраем Рибаяем, известным собирателем российской и украинской литературы, был лично знаком Андрей Бачинский, мукачевский епископ. Об этом знакомстве Ю. Рибай писал в 1790 году Йозефу Добровскому. В своем письме к Добровскому Рибай сообщает патриарху славистики о том, что он познакомился со священником из Закарпатья А. Бачинским, пообещавшим прислать книги своего края [38, с. 173]. Андрей Бачинский поддерживал хорошие отношения с украинцами, работавшими в Токайской комиссии. Так, в 1777 году Иван Фальковский в своих записках, написанных в Братиславе, упоминает, что его отец Юстин был в тесном контакте с А. Бачинским, который ему пересылал разные книги³.

Роль учебных заведений в развитии российско-словацких культурных связей в XVIII веке

Одной из важных страниц в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительные контакты в области образования. В этот период

¹ Работа Юрая Прая вышла в 1786 году в Пеште под заглавием «Taurica juri Russico a Catarina II. autocratice belo et pace asserta poemation».

² Annales regum Hungariae ab anno christi CXXCVII. Opera et studio Georgii Pray. Vindobonae, 1758.

³ Украинский государственный архив (далее – УГА) в г. Киеве. Отдел рукописей. Муз. рук. 929. Л. 37.

значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могилянской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Академия полноценно включалась в процесс общеевропейского культурного развития. Ученые Академии живо интересовались достижениями европейской науки, педагогики, литературы, фонды библиотеки постоянно пополнялись зарубежными изданиями.

Киево-Могилянская академия вступила в начале XVIII в. в период своего расцвета. Число студентов в ней в 1700 году достигло 2 тысяч, впоследствии оно колебалось в пределах 600–1100 человек [5, с. 86].

Учебный курс Киево-Могилянской академии, являвшейся одновременно начальным, средним и высшим учебным заведением, состоял из 8 классов с 12-летним сроком обучения. В них последовательно изучались грамматика, пиитика, риторика, философия и богословие. В середине XVIII века в Киевской академии были введены новые учебные предметы – немецкий, французский и русский языки выделен специальный математический класс. До конца XVIII века Киево-Могилянская академия являлась учебным заведением гуманитарного направления, в ней обучались студенты всех сословий (до середины XVIII в. преобладали учащиеся светского звания) [27, с. 146–150].

«За наукой и мудростью» в Киево-Могилянскую академию, кроме молодежи Украины, России и Белоруссии направлялись юноши из других стран, в частности из Словакии. Этому способствовали уровень и характер обучения, распространения трудов киевских ученых за рубежом, их активная просветительская деятельность.

Ряд вопросов, связанных с учебой в Академии выходцев из балканских стран, уже нашли свое освещение в исторической литературе [14, с. 1–16; 1, с. 183–227; 17, с. 1–180]. Сохранилось несколько документов, свидетельствующих об учебе в Киево-Могилянской академии выходцев из Словакии.

В 1715 году из села Штиявник Шаринской жупы учился в Киеве местный священник. На полях Евангелия, изданного в 1690 году, он записал: «Я вернулся после учебы от Днепра в свой родной край, в село Штиявник» [35, с. 70].

В связи с обучением в Академии молодежи из Закарпатья в исторической литературе несколько раз упоминается фамилия уроженца города Бардейов Ивана Боцневича, который учился в Киевской академии в 1737/38 учебном году [14, с. 7]. Исследователи иногда неправильно включают в понятие «Угорская Русь» или Закарпатье области Восточной Словакии: Земплинскую, Шаришскую, Спишскую. Про Ивана Боцневича как выходца из Восточной Словакии писал Ф. П. Шевченко [21, с. 96].

Из города Бардейова вместе с Иваном Боцневичем поступил в академию Иван Югасевич. Наиболее популярным курсом в академии был курс риторики, куда в 1749 г. поступил также Иван Дубравский из города Дубрава. В академию приезжали и студенты из города Кошице. В 1764 году в Киевскую губернскую канцелярию заявил о своем желании учиться в Киевской академии Николай Булава, родом из города Прешов. В Киев он приехал после окончания школы в Прешове и духовной семинарии в Токае. Студенты из Словакии были в основном выходцами из небогатых семейств – крестьян и священников. Академия принимала практически всех желающих, но прокормить их она была не в состоянии. Стипендий тогда не существовало, а получать помощь от родителей большая часть студентов не могла [22, с. 23]. Множество семинаристов в летние месяцы в период вакаций

(каникул) и в другое время года бродили из дома в дом, по базарам и другим людным местам в поисках пищи.

На период обучения в академии студенты из Словакии получали, как и все студенты-иностранцы, специальное разрешение, позволявшее им временное жительство в Киеве [27, с. 149]. После окончания учебы большинство из них возвращались в родные места.

В XVIII веке все больше студентов из России училось в учебных заведениях по всей Европе. Прочное образование становилось необходимой предпосылкой служебной карьеры. Частые переходы студентов из школы в школу – типичное явление того времени. После окончания учебы на родине они продолжали учиться в учебном заведении за рубежом. Этому также способствовало издание именного Указа Елизаветы Петровны от 4 июля 1745 года, позволяющего всем молодым людям из Малороссии, желающим обучаться в чужих краях «от ея императорского величества на то повелению, для каждого, пашпорты же давать»¹.

Поездкам воспитанников Киево-Могилянской академии в «австрийские владения» способствовала основанная в 1747 г. в городе Токае Русская комиссия по разведению винограда и заготовке вин для царского двора [27, с. 251]. Руководители Токайской комиссии приглашали студентов академии на разные должности и содействовали их обучению прежде всего в городах Будапешт и Братислава.

Учеба и деятельность воспитанников Киево-Могилянской академии в Братиславе является одним из интересных моментов словацко-российских культурных взаимоотношений.

В исторической литературе уже упоминались фамилии трех студентов, обучавшихся в Братиславском лицее: Ивана Фальковского, Андрея Ставицкого, Аарона Пекалицкого [15, с. 456–479; 2; 3; 23, с. 102–108].

Братислава была в XVIII в. не только политическим центром и столицей Венгерского королевства, но и городом с богатыми традициями, значительными общественно-культурными контактами. К концу столетия она стала крупным студенческим городом. В протестантском лицее, католической гимназии и в Королевской юридической академии обучалось свыше 1000 студентов. Лекции в Братиславском лицее каждый год посещало около 400 студентов. Здесь преподавали и обучались выдающиеся представители словацкой национальной жизни и науки. В первой половине XVIII века ректором лицея был знаменитый венгерский историк, словак Матей Бел². Он значительным образом повлиял на его характер и дальнейшее развитие. Идея органического единства словаков и других славянских народов, общности словацкой народности со славянским народом (*nation Slavica*) – неотъемлемая черта идеологии словацкого народа, создателями которой в XVIII веке были представители словацкой интеллигенции [48, с. 150]. Обращение к идее единого славянского народа характерно и для других славянских

¹ Полное собрание Законов Российской империи 1649–1823 гг. М., 1830. Т. XII. С. 416, № 9184.

² Матей Бел (1684–1747) родился в селе Очова (Центральная Словакия). Его деятельность значительно обогатила как венгерскую, так и словацкую культуру. С помощью своих учеников, выпускников Братиславского лицея, выпустил 5 томов своего главного труда «Новое географическо-историческое описание Венгрии» (*Notitiae Hungariae novae historico-geogr. D. 1–6. Viennae, 1735–1742*). Труды М. Бела служили главным источником географических и исторических знаний в течение почти всего XVIII века. Пользуясь общеевропейской известностью, М. Бел вел переписку со многими зарубежными учеными, в том числе с Петербургской академией наук.

народов. Теоретическая концепция Матея Бела о великом славянском народе нашла свое воплощение в практике. В списке учеников Братиславского лицея мы находим фамилии словаков, сербов, поляков, чехов, украинцев, русских, македонцев, представителей других народов¹.

История Братиславского лицея, его роль в процессе формирования национально-государственного самосознания словаков и значение для укрепления межславянских общественно-культурных контактов мало изучена и с точки зрения современного развития исторической науки недостаточно разработана. Называя работы венгерского буржуазного историка С. Маркушовского [41; 42], написанные в конце XIX столетия, и югославского историка Ристо Ковиянича [39; 40], посвященные учебе сербов в Братиславском лицее в XVIII–XIX вв., необходимо отметить, что научная работа, которая бы полностью раскрыла историю Братиславского лицея, его место и роль в словацкой политической и культурной жизни, значение в общественно-культурных отношениях словаков с другими славянскими народами, еще не написана.

Архивные материалы Братиславского лицея за XVIII в. сохранились плохо и не донесли до нашего времени многих фактов. В списках учеников лицея, полностью сохранившихся за 1747–1835 годы, мы находим кроме вышеперечисленных трех студентов из России и фамилии других словаков.

В статье В. Серебренникова об истории Киево-Могилянской академии во второй половине XVIII века дан список преподавателей Академии, содержащий фамилию Константина Крыжановского. В. Серебренников приводит факт, что в 1753 году Крыжановский был назначен преподавателем академии [19, с. 280]. Данные об учебе Крыжановского за границей находим в списке студентов, обучавшихся в Братиславе в 1747 году². В лицее он обучался до мая 1750 года, с августа 1751 года он перешел в Академию Фридрикиана (Пруссия)³. Вместе с Крыжановским в лицее обучался и 19-летний Антон Деметрович из Москвы, прибывший в Братиславу в 1749 году⁴.

Архивные материалы свидетельствуют, что сразу после приезда Константина Крыжановского в Киев он назначается преподавателем немецкого и еврейского языков, преподававших в Братиславском лицее на высоком уровне и занимавших важное место среди других изучаемых предметов.

В 1767 году Константин Крыжановский, тогда уже роменский протоиерей, и его брат – гадячский полковник Антон Крыжановский решили отправить и своих сыновей продолжать после окончания Киево-Могилянской академии учебу за границей, в Лейпцигском университете [15, с. 460].

Известно, что во время своих путешествий по Западной Европе в 1745–1750 гг. в Братиславе останавливался выдающийся украинский народный философ Г. С. Сковорода, который «старался знакомиться наипаче с людьми, ученостью и знаниями отлично славными тогда» [20, с. 489–490]. Возможно, что Сковорода встречался в Братиславе со студентами из России, которые здесь учились, и сам

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (далее – AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835.

² AKEL Bratislava. – Matriculascholae Posoniensis. С. 97. В первом классе лицея значится Константин Крыжановский из Киева, 27 лет.

³ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. С. 97.

⁴ Там же. С. 10.

посещал лекции в Братиславском лицее. М. Мольнар утверждает, что Г. Скворода учился некоторое время в университете города Трнава, расположенного на расстоянии 30 километров от Братиславы. К сожалению, автор не привел источников этих сведений [13, с. 113].

В 1752/53 учебном году среди студентов Братиславского лицея первого класса названо имя Арсениуса Безбородко-Билозерковца. В матрикулярных книгах школы записано, что он родился в городе Переяславе¹. В 1753 году Безбородко переехал в Саксонскую академию².

В. Л. Модзалевский в Малороссийском Родословнике дает генеалогию рода Безбородко, не включая в него Арсениуса, но в дополнение он описывает жизнь А. Безбородко. По его мнению, Арсениус Безбородко – сын сотника Ивана Билозерковца и, вероятно, никакого отношения к роду Безбородко не имеет [12, с. 565]. Ценным для нас является приведенный Модзалевским факт учебы Арсения Билозерковца за границей в Лейпцигском университете в 1754 году, где он называет себя Арсений Безбородко-Билозерковец. Именно так записана фамилия этого студента в списке учеников Братиславского лицея. Возникает вопрос, почему Арсений Билозерковец, которого Модзалевский не относит к роду Безбородко, называет себя Безбородком? Личность и жизнь Арсения Безбородко-Билозерковца требуют дальнейшего исследования.

В списке студентов, обучавшихся в Братиславе в 1754 году, в третьем классе значится Максим Феодорович, 17-летнего возраста, уроженец города Василькова³.

В 1758 году для работы учителями Костромской семинарии из Киева были вызваны воспитанники академии, братья Иван и Максим Феодоровичи. Иван Феодорович преподавал в Костроме латинский язык, риторiku и поэтику, Максим – славяно-русскую грамматику⁴. Скорее всего, Максим и есть тот Феодорович, обучающийся с 1754 года за границей, в Братиславском лицее.

В 1757 году в списке студентов состоит Григорий Дубранский, 25 лет, ученик 2 класса, из Малороссии (*Russia parva*)⁵.

В 1760/61 годах учились в Братиславе украинец Ян Миловский, переехавший в 1761 году в школу г. Дебрецена⁶, и Юрий Будовский из России, 17 лет, ученик второго класса⁷. О них больше никаких данных найти не удалось.

Наиболее полными оказались сведения об Иване Фальковском, прожившем в Венгрии 8 лет. Он оставил чрезвычайно интересные и детальные записки об обстоятельствах своей жизни за границей⁸. В них также содержатся материалы о пребывании в Венгрии Андрея Ставицкого и Аарона Пекалицкого, получающих образование в Братиславском лицее.

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – *Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835*. С. 104.

² Там же.

³ AKEL Bratislava. *Matriculascholae*. С. 361. Максим Феодорович записан и в списках за 1755 год как ученик 2 класса; там же. С. 645.

⁴ Акты и документы Киевской академии (далее АДКА) / под ред. П. И. Петрова. К., 1906. Т. 2. Отд. 2. 1751–1762. С. 429.

⁵ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – *Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835*. С. 384.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 397.

⁸ УГА. Рукописный отдел. Музейная рукопись № 929.

В 1775 году молодой Иван Фальковский был вынужден прервать учебу в Киево-Могилянской академии потому, что его отец Юстин был назначен иеромонахом православной церкви при русской Токайской комиссии в Венгрии [3, с. 95].

28 февраля 1775 года Фальковский прибыл с отцом в Токай. Киевской академии в то время были нужны хорошие преподаватели немецкого, французского языков и математики. В связи с усилением интереса к европейской общественно-политической и научной мысли в начале XVIII в. возрастает интерес к европейским языкам. На возникшую в обществе потребность откликается и Киевская академия [27, с. 103]. Отец Ивана Фальковского это знал, так как когда-то сам учился в Академии. Он ищет для сына в период их проживания в Токае учебное заведение, после окончания которого ему было бы обеспечено место преподавателя Киево-Могилянской академии. После неудачной попытки устроить сына в Венский университет отец направляет его в Братиславский лицей, где конфессиональное направление не было определяющим, а вместе с латинским на высоком уровне изучались современные иностранные языки.

В Братиславу Иван Фальковский прибыл вместе со Стефаном Осватом из Токая, с которым учился в одном классе¹. В начале обучения Фальковский заявил, что он родом из Киева, ему 16 лет, сын церковного служителя². Он стал студентом третьего класса (синтаксима), и у него единственного среди студентов в личных материалах было отмечено, что был лучшим среди учеников³. О его отношении к учебе свидетельствует и переписка с отцом. В одном из писем от 16 октября 1777 года отец пишет Ивану: «... с радостью моею слышал, что тебе и там (в Братиславе. – М. Д.) так, как в Токаю учителя за прилежание твое к учению похваляют» [4, с. 101]. Обучаясь в Лицее, Иван также нанимал и частного преподавателя, дававшего ему уроки латинского и немецкого языка. Чему и как обучали молодого Фальковского в Лицее показывает присланное отцу подробное недельное расписание уроков и занятий от 8 декабря 1777 года [4, с. 98]. В Братиславе Иван Фальковский близко контактировал с сербскими студентами⁴. В своей работе «Краткое географическое описание Венгрии», которую он написал на основании работ учителя истории и географии Братиславского лицея словака Яна Томка Саского, Фальковский специально выделяет часть, посвященную сербам⁵. Он пишет: «Сербский народ, называемый попросту рацким, между которым я три года почти проживал, будучи одной православной с ними веры, достоин подлинно того, чтобы мы историю и приключения его прилежно читали»⁶. Сохранилась переписка Фальковского с сербским митрополитом Викентием Видаком⁷.

В период своего проживания в Братиславе Иван Фальковский вел книгу расходов, по которой можно узнать о его материальном положении и образе жизни⁸.

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. С. 80.

² Там же.

³ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835.

⁴ УГА. Рукописный отдел. Музейная рукопись № 929. Л. 90–160.

⁵ УГА. Рукопись № 725/580/. Л. 147–162.

⁶ Там же. Л. 152.

⁷ Там же. Сборничек И. Фальковского. Рук. № 699/621/. Л. 60–65.

⁸ Там же. Л. 38–40.

В здешних книжных лавках он купил много книг, среди них работы словацких ученых – Яна Томка Саского и Матея Бела, которые он впоследствии забрал с собой в Киев¹. В рукописной работе историко-географического характера о Венгерском королевстве Фальковский соглашается с научными взглядами Матея Бела и признает себя его учеником².

После пожара в Киевской академической библиотеке в 1780 году многие преподаватели жертвовали свои книги в эту библиотеку [27, с. 140]. Среди них и Иван Фальковский. 816 книг было куплено у Константина Крыжановского, учившегося в 1750 году в Братиславе. В списке купленных книг у Крыжановского находятся книги венгерских ученых, а также книги чешского ученого-педагога Яна Амоса Коменского³.

В каталоге книг Киевской академии конца XVIII в. мы находим более 20 книг, изданных в типографиях Трнавы, Братиславы, Кошице, Будина, Дебрецена, вероятно, попавшие в академическую библиотеку из личных библиотек преподавателей академии, которые когда-то учились в Венгрии⁴.

В 1778 году умер отец Ивана Фальковского. После года обучения в Братиславском лицее он переехал в Пешт, где продолжал учебу в гимназии ордена пиаристов⁵. Причина этого переезда состояла в сравнительной дешевизне платы за квартиру и питание в Пеште, игравшая при слабом материальном обеспечении студентов за границей значительную роль в их жизни и учебе. Плата за квартиру в Братиславе, столичном городе Венгерского королевства, достигала 80 гульденов, тогда как в Пеште – пятьдесят.

В одном из своих писем Фальковский констатирует: «В Братиславу я ради совершенного изучения немецкого языка и других учений охотнее бы поехал» [2, с. 249].

Пребывание Фальковского в Пеште и его учебу в университете г. Буды, где он изучал экспериментальную физику, детально описал историк Янош Штернберг [46, с. 30–36]. Интересный факт связей украинских и сербских студентов в Венгрии дает проживание Фальковского в Пеште у учителя сербской школы Минацкого. В 1733 году сербский митрополит Викентий Йованович обратился к митрополиту Р. Заборовскому, протектору Киево-Могилянской академии с просьбой прислать десять учителей в Сербию для того, чтобы они обучали сербскую молодежь так, как в Киевской академии [7, с. 78]. В этом же году выехали воспитанники Киевской академии, среди которых и Иван Минацкий, преподававший впоследствии риторику в сербских Карловцах [27, с. 233]. Пятьдесят пять лет спустя Иван Фальковский поселился в Пеште у сына Ивана Минацкого⁶.

В 1783 году Фальковский возвращается в Киев, отказавшись от предложения стать писарем русского посольства в Вене. Свой поступок объясняет тем, что не хочет

¹ УГА. Рукопись № 725/580/. Л. 41–42.

² Центральная научная библиотека Украины в Киеве. Рукописный отдел. Рук. № 725/580/. Л. 161.

³ Акты и документы Киевской академии (далее АДКА) / под ред. П. И. Петрова. К., 1906. Т. 2. Отд. 2. 1751–1762. с. 291–293

⁴ УГА. Рукописный отдел Catalog uslibrorum biblioteca Akademia Kioviens. 7/369/. Л. III. 147.

⁵ Пиаристы – католический орден монахов, основанный в 1607 году в Риме с целью образования по всей Европе учебных заведений и учебы там молодежи. Его влияние распространилось прежде всего в Испании, Чехии, Моравии, Австрии и Венгерском королевстве. В гимназиях монашеского ордена пиаристов училась молодежь разных национальностей и вероисповеданий.

⁶ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. Л. 40.

работать на гражданской должности за границей, а хочет дома (в Киеве. – *М. Д.*) стать учителем¹. Иван Фальковский преподавал в Киево-Могилянской академии более 20 лет и в 1803 году стал ее ректором. Его колоссальный труд представляет 92 тома рукописных и печатных книг: трактатов и исповедей, исторических и географических работ, статей по математике, физике, астрономии [10, с. 44].

В 1776 году за границу выезжает студент Киевской академии Андрей Ставицкий. Два года он учился в Умани, входившей в состав Польши.

После окончания учебы в Умани Андрей Ставицкий отправляется в Венгрию и останавливается в Вене с целью найти место при русском посольстве [19, с. 374]. Места он не находит, но в посольстве ему советуют искать службу в Братиславе и для этого обратиться к Ивану Фальковскому, там проживавшему. Прибыв в Братиславу, Ставицкий отыскал Фальковского и вместе с ним добился у ректора Братиславского лицея принятия в конвикт, основанный при лицее для бедных студентов, где за квартиру и стол он платил 35 гульденов в год [15, с. 472]. С первой встречи Ставицкого и Фальковского в Братиславе начинается их дружба.

В списках студентов Лицея за 1778 год записано, что Андрей Ставицкий родом из города Стародуб, ему 27 лет². В Братиславе прослушал курс философии, еврейского и немецкого языка, истории (в том числе русской), географии, арифметики³. Ставицкий учился в лицее до 1780 года, после чего переехал вместе с Фальковским в Токай. В Токае они знакомятся с Аароном Пекалицким, направленным на место покойного Юстина Фальковского после окончания Киево-Могилянской академии. А. Пекалицкий учился и работал в Венгрии шесть лет, в частности, вел практические занятия немецкого языка с греками, проживающими в это время в Токае [15, с. 473].

Часть переписки А. Ставицкого, И. Фальковского и А. Пекалицкого сохранилась в рукописном отделе УГА в Киеве и дает нам возможность частично ознакомиться с их жизнью за границей, в Венгрии⁴.

Общность научных интересов и взглядов на жизнь сближала Фальковского, Ставицкого и Пекалицкого, поэтому не удивительно, что между ними установились теплые дружеские связи, которые во время учебы за границей, а потом и в Киеве проявлялись во взаимной моральной и материальной поддержке.

В 1782 году Андрей Ставицкий возвратился в Киев, где был назначен преподавателем грамматики, истории и географии Киево-Могилянской академии. Как нам известно, впоследствии в Киев возвращается Иван Фальковский и Ставицкий принимает его к себе на временное проживание [15, с. 477]. В 1786 году из Токая прибывает Аарон Пекалицкий и по рекомендации Фальковского и Ставицкого с 1788 года преподает греческий язык в Академии [19, с. 395].

В списке преподавателей Киево-Могилянской академии второй половины XVIII века приведена фамилия Самуила Храпанова, родившегося в Словакии. Он сначала учился в Прешовской гимназии (Восточная Словакия. – *М. Д.*), а потом в Братиславе. С 1797 года преподает в Киевско-Могилянской академии немецкий язык [19, с. 400]. Вполне вероятно, что переезд Храпанова в Киев связан

¹ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. С. 65–66.

² AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. С. 226.

³ AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. Diarium scholastic 1760–1782. С. 20–55.

⁴ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/.

с советом и помощью украинских студентов, с которыми он мог познакомиться во время учебы в Братиславе. Допустимо, что таким же путем поступили в Киево-Могилянскую академию некоторые сербы – выпускники Братиславского лицея.

В списке студентов, которые учились в 1789 году в Братиславском лицее, записан 16-летний Деметр Параскевич из города Токая¹. Он заявил, что происходит из семьи купца². Деметр был родственником Дмитрия Параскевича, придворного комиссара Русской комиссии в Токае³.

Студенты Киево-Могилянской академии, желавшие завершить свое обучение за границей, отправлялись с этой целью во многие страны Европы, в частности, в Венгерское королевство, и находили тут поддержку, в основном со стороны русского посольства в Вене и Русской комиссии в Токае. Они прибывали в Братиславу разными способами: с купеческими валками, военными командами. Большинство украинских студентов приходили в Венгерское королевство с торговыми караванами, направляющимися в Токай. Здесь, как правило, начинался их поход за знаниями, причем с Токаем они были в постоянной связи.

Киевской губернской канцелярией 2 января 1757 года был выдан паспорт Ивану Велисару, двум служителям и студенту Киево-Могилянской академии для проезда в город Токай⁴.

По архивным документам можно восстановить их путь из Киева в Токай, который проходил через Васильков, Фастов, на Чудное, Полонное, Изяслав, Броды, Жовкву, Ярослав, Дукельский перевал, словацкие города Свидник, Прешов и Кошице в Токай⁵. Этим же путем в Венгерском королевстве прибывали и другие студенты Киево-Могилянской академии.

Русская комиссия в Токае просуществовала более 50 лет (1733–1788)⁶. С ее деятельностью непосредственно связана учеба украинских студентов в Братиславском лицее. Вышеприведенные факты о студентах из России подтверждают эти связи. Все найденные нами сведения об учебе украинских студентов относятся к периоду деятельности Русской комиссии.

Руководители Русской комиссии приглашали студентов Академии на должности переводчиков и настоятелей в Комиссию и содействовали их обучению в разных учебных заведениях Венгерского королевства, в частности, Словакии.

Обучаясь в Братиславском лицее, студенты из России не пользовались привилегиями, а жили так же, как и сотни других студентов. Свидетельством их тяжелого материального положения являются записки и письма Ивана Фальковского и Андрея Ставицкого⁷. Только дети богатых родителей получали материальную поддержку из родных мест.

Студенты из России, окончив Лицей в Братиславе, или продолжали учебу в учебных заведениях Западной Европы, или возвращались на Родину, чтобы

¹ AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. С. 734.

² Ibid. С. 734.

³ РГАДА. Ф. 276. Оп. I. Ед. хр. 709. Дело по указу сената о донесении придворной конторы о винах венгерских. Л. 1–4.

⁴ УГА в г. Киеве. Ф. 59 (Киевская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 2066. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 1778. Л. 27; Центральная научная библиотека Украины (далее – ЦНБ Украины). Отдел рукописей. Музейная рукопись № 929. Л. 18–23.

⁶ ПСЗ. Т. 25. № 18337. С. 45–46.

⁷ ЦНБ Украины. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. Л. 1–6.

передать приобретенные знания своей стране. После возвращения в основном работали преподавателями Киево-Могилянской академии или других школ в России.

С 1707 года в Трнавском университете [5, с. 78] были для студентов из России открыты три места с выплатой стипендий. В университетской типографии издавались книги, напечатанные кириллическим (русским) шрифтом [35, с. 71]. Так, в 1698 г. мукачевский епископ Йосиф де Камелис издал в Трнаве «Казуистику». В 1725 году там же была напечатана новая казуистика под названием «Краткое припадков моральных или нравных собрание» Г. Бизанция [11, с. 21]. В 1725 году кириллическая типография из Трнавы была перенесена в сербский город Клуж¹ [35, с. 71].

Словацкие медики в России

Сфера отношений в области медицины представляет собой достаточно хорошо изученный материал [36, с. 139–140; 47, 33]. В самой Словакии XVIII века медицина не была достаточно развита. Прежде всего отсутствовали специальные учебные заведения – школы и медицинский факультет. По этой причине словацкие студенты посещали западноевропейские университеты вплоть до появления в Трнаве медицинского факультета в шестидесятые годы XVIII в. Среди наиболее популярных у студентов учебных заведений можно выделить главные немецкие университеты – в Халле, Йене, Гёттингене, а также голландские университеты². Именно в университетах и завязывались контакты между словацкими и российскими медиками.

Уже в 1717 году завершил свое обучение в голландском Лейдене Ян Милетер, уроженец Спишской Новой Веси³, талантливый выпускник, выбранный руководством университета по просьбе русского царя Петра I для оказания помощи в систематизации и описании российской археологической и естественнонаучной коллекции [45, с. 113]. После выполнения задания Милетер вернулся в Словакию, где работал в качестве комитатного доктора Спишской области⁴ [31, с. 168].

Предложение работать в российских медицинских учреждениях получил еще в период своего обучения в университете в голландском Гардверийке и Павел Дьёндьёши⁵ [45, с. 48]. Как сын кальвинистского проповедника, он часто подвергался преследованиям иезуитов [45, с. 42]. Жизненный путь Павла Дьёндьёши, уроженца г. Кошице, человека беспокойной, божественной природы, был пестрым. Он обошел всю Европу и получил незаурядное образование. После обучения в Голландии он не вернулся в Словакию, а по совету доктора Боргаавого принял приглашение приехать в Россию на хорошо оплачиваемое место лекаря в Петербурге. Согласно подписанному договору, он должен был получать 600 р. в год, и сверх того, ему полагалось

¹ Naraksim E. Op. cit. S. 71.

² В немецких и голландских университетах были сконцентрированы основные массы учащихся из Словакии, преимущественно евангелистов. Медицинский факультет в Вене находился под влиянием католиков вплоть до реформы Г. ван Свитена.

³ Ян Милетер (Ján Mileter) (1691–?) учился в Йене, оттуда перешел в Лейден, где в 1717 году получил степень доктора медицины.

⁴ Как комитатный, а потом и городской доктор, он был принят во всех городских и шляхетских семьях. Написал книгу о превентивных мерах против эпидемии чумы под названием “Hochst nöthige Erinnerung bei Contagion zeit“, которую опубликовал в 1793 году в Левоче.

⁵ Павел Дьёндьёши (Pavol Gyöngyösi) (1709–1790) происходил из Кошиц, учился сначала на теологическом факультете во Франкфурте-над-Одером, с 1731 года продолжил обучение теологии в Лейдене, где начал посещать и лекции на медицинском факультете. После многолетней учебы в 1753 г. получил степень по медицине в университете в Гардвийке.

100 рублей на дорожные расходы, что было довольно большой суммой. Несколько лет он преподавал в медицинской школе в Петербурге и, в конце концов, в 1766 г. стал лейб-медиком императрицы Екатерины II. Однако через несколько лет по причине болезни он отказался от всех должностей и вел уединенный образ жизни.

Еще более выдающейся была карьера Христиана Пекена на российской медицинской службе [29, s. 412–413]. Он учился в Виттенберге, Халле и Йене. Когда по возвращении на родину ему не удалось устроиться по специальности, он принял приглашение приехать в Россию, в котором ему посочинствовал его дядя, служивший в царской полиции [53, с. 123–124]. На запрос разрешения на поездку в Россию, с которым он обратился к Марии Терезии¹ [45], он получил в 1753 году следующий ответ: «...Христиану Пекену, верноподданному Ее Величества, сообщаем, чтобы он направился в Россию, в Петербург лишь по предоставлению своих математических студий и, по их оценке, разрешаем ему пребывание в России на период трех лет ...»².

Он начал карьеру с должности военного врача в Петербурге, а затем в Москве. После возвращения в Петербург он стал главным врачом в госпитале. Кроме работы в госпитале, он читал лекции вместе с другим медиком из Словакии Павлом Дьёндыёши, а также еще и в школе для военных хирургов. После учреждения государственной медицинской коллегии Христиан Пекен получил там место секретаря. Для Пекена это было важным событием и означало проявление доверия, которое он заслужил бескорыстной работой и обширной публикационной деятельностью. Коллегия, подобно тому, как медицинская комиссия в Венгрии, должна была контролировать степень квалификации работающих врачей и давать рекомендации и оценки по медицинским вопросам. Каждый медик, который принял решение работать по специальности на территории Российского государства, должен был выдержать специальный экзамен в коллегии. Работая в приемной комиссии коллегии, Христиан Пекен таким образом проверил квалификацию десятков врачей, который решили практиковать в России, среди них, например, выпускника венского университета Иосифа Веча и доктора Станислава Элли из чешского Колина, назначенного в дальнейшем директором экономической канцелярии Государственной медицинской коллегии в Петербурге. В 1770 году, когда в России вспыхнула эпидемия чумы, Пекен помогал принимать меры по предотвращению распространения заразы. За большой вклад в развитие медицины в России Екатерина II в 1779 году назначила его лейб-медиком. Христиан Пекен был также одним из учредителей Вольного экономического общества, которое ориентировалось на издательскую деятельность. Кроме того, общество отстаивало идеи отмены крепостного права в стране.

Среди первых трудов Общества вышла и публикация Пекена «О строении жилых покоев для простого народа», в которой он охарактеризовал влияние окружающей среды на человека и состояние его здоровья.

Отношение к гигиене в сельской России в тот период было, как и в остальной Европе, на очень низком уровне. Пекен обращал внимание, прежде всего,

¹ Оригинал прошения находится в Государственном архиве в Будапеште. Schultheisz E. – Tardy L.: c. d., príloha, Tab. XIII.

² Ibid. Tab. XIV.

на небольшое жизненное пространство, на отсутствие проветривания помещений, открытые очаги и другие недостатки сельского жилища.

Пекен интересовался не только организацией сельской жизни в России, но и культурной жизнью, прежде всего как советник Академии изобразительных искусств.

Несмотря на большую нагрузку, он нашел время и для издательской деятельности. Под его руководством был составлен и опубликован первый русский лечебник «Pharmacopoea Rossica», который стал ценным и популярным помощником в русской медицинской практике. Лечебник рассылался всем больницам, аптекам и практикующим лекарям.

Христиан Пекен писал и популярно-просветительские книги для простого народа по медицине о способах лечения разных заболеваний. На протяжении нескольких лет вышли четыре издания его «Домашнего лечебника», в количестве от 2 до 7 тысяч экземпляров, что по тем временам считалось огромным тиражом. В этой объемной книге, которая была издана на русском языке, Пекен последовательно упомянул обо всех факторах, влияющих на здоровье. В отдельных главах книги он охарактеризовал способы лечения различных наиболее распространенных заболеваний наиболее доступными средствами. Отдельную часть книги составляла «Домашняя аптечка», в которой он перечислил множество наиболее известных лекарств, как в виде порошков, так и солей, эликсиров, эссенций и масел самого разного состава. Там же он описал и рецепты по их приготовлению и рекомендации по их применению.

В 1799 году, спустя двадцать лет после смерти Христиана Пекена, вышел еще один его труд для народа, «Деревенское зеркало», в котором описывалось устройство и оборудование сельской больницы.

«Домашний лечебник» стал для широких слоев населения подспорьем на все случаи жизни. В книге содержались советы и основная информация о том, как в домашних условиях лечить наиболее распространенные заболевания животных, о лекарствах и способах их приготовления и т. д. Книги Пекена, принятые в России с восхищением и восторгом, преследовали именно эту цель.

Христиан Пекен умер в 1779 году в Петербурге от апоплексического удара.

Успешную научную карьеру Христиана Пекена продолжил его сын Матвей.

Матвей Пекен родился в 1756 году в Петербурге. После окончания обучения в Геттингене он возвратился в Россию, где за время своей работы на медицинских факультетах Москвы и Петербурга составил и перевел несколько учебников по медицине («Физиология, наука о естестве человеческого»; «О сохранении здоровья и жизни»). Вплоть до своей смерти в 1819 году он считался одним из наиболее известных практикующих врачей и преподавателей медицины в России [32, с. 50].

Христиан и Матвей Пекены внесли свой вклад в развитие медицины в России. В известной мере они способствовали развитию как научной, так и практической популяризационной деятельности в области российской и мировой медицины.

В России работал и брат Христиана Пекена, Карл. Начало жизненного пути Карла Пекена нам неизвестно. Неизвестны также мотивы, по которым он решил в 1751 году уехать в Россию и поступить на военную службу в российской армии. Однако остается фактом, что уже за несколько лет до этого в России в царской полиции работал дядя Карла Матвей Фукер, который мог ему посоветовать поступить на службу в российской армии и оказать протекцию в этом.

Карл Пекен начал свою военную карьеру с низшей ступени. Заслуживает внимания факт, что вскоре после приезда в Россию он выучил русский язык и постепенно дослужился до звания генерала. За свою пятидесятилетнюю карьеру в России он принял участие во многих военных походах и войнах на всем европейском континенте.

Как офицер венгерского, а потом молдавского гусарского полка он принимал участие в Семилетней войне, в войнах за Крым и с султанской Турцией. В 1774 году он участвовал в военном подавлении последней крестьянской войны в России под руководством донского казака Емельяна Пугачева [32, s. 67].

Вплоть до прошения об отставке и ухода на пенсию в 1798 г. Карл Пекен был комендантом Азовской крепости, которая в том числе благодаря его военному таланту была навсегда присоединена к России после победы России над Турцией и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774). Шестнадцатилетнее командование Карла Пекена Азовской крепостью связано с последним периодом ее стратегического, военного и торгового значения на черноморском побережье. После завоевания Крыма и основания портового города Одесса крепость утратила значение передового торгового центра на юге Российской империи.

В отличие от военной карьеры Карла Пекена, его младший брат-погодок Христиан (1730–1779) избрал в России путь лекаря и заслужил славу выдающегося представителя русской медицины того времени.

Таким же способом, как и Пекен, получил разрешение на работу в России другой врач, Самуэль Гамбахер (Samuel Hambacher) из Прешова¹ [31, s. 172]. Гамбахер получил медицинскую степень в Виттенберге, далее работал в Халле. После возвращения домой и недолгой службы в Гемерской жупе он испросил разрешения отправиться в Россию [45, s. 23]. Мария Терезия, которая «всегда сохраняла приятельские чувства и внимание к Ее Величеству, русской императрице», как и в предыдущем случае, удовлетворила в 1757 году просьбу Гамбахера².

Словацко-русские связи в области медицины имеют особый характер, протекающий из характера медицинской науки. Эта наука своей практической ориентацией главным образом в XVIII столетии, когда было много войн и появлялись неизвестные болезни, давала возможность врачам решать проблемы здравоохранения. Если в силу разных причин они не могли реализовать себя на родине, то уезжали за границу. На примере трех докторов из Словакии мы видели, что своим полем деятельности они избрали Россию, несмотря на то, что перед этим все получили образование в немецких или голландских университетах.

П. Дьёндьёши уехал в Россию, вероятнее всего, по религиозным соображениям и принял выгодное предложение, в котором ему посдействовали его голландские знакомые. Договор, который он подписал на пять лет, обеспечивал ему получение 600 рублей ежегодно и еще 100 рублей на дорожные расходы, что в России считалось довольно высоким жалованьем [45, s. 51; 27].

Как выяснилось в результате сопоставления деятельности двух медиков, Пекена и Гамбахера, их пребывание в России было легальным, а кроме того, оба имели немецкое происхождение. «Christianus Pecken Rosenavien siam patrem habuitex

¹ Самуэль Гамбахер (1720–1778) происходил из прослойки немецких бюргеров, живших в Словакии. Медицину изучал в Галле и Виттенберге.

² Разрешение на поездку находится в Государственном архиве Будапешта. Фотокопия: Schultheisz E., Tardy L.: c. d., Tab. IV.

Boгussia» (то есть Пруссия), а Самюэль Гамбахер происходил из прослойки немецкого бюргерства.

Так как для политического развития России XVIII века было характерно проникновение немцев в страну с периода правления Анны Иоанновны с намерением получения выгодных должностей в аппарате управления, главных государственных и научных учреждениях, перед нами встает вопрос, не была ли деятельность докторов Пекена и Гамбахера частью этого нашествия немцев в Россию. Тем более что дядя Пекена уже занимал важную должность в царской полиции. Деятельность трех словацких лекарей в России представляет собой особую часть истории словацко-русских научных контактов. Можно утверждать, что импульсом послужили чисто практические мотивы, а также политические и религиозные причины.

Мы видим, насколько разнообразны были области, в которых развивалось словацко-русское научное сотрудничество. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись сознательно и имели важное значение для развития просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы. Переписка петербургских академиков (Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин) со словацкими учеными является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини. Продолжателем и преемником Матея Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар. Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей принадлежало распространению русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья. Важной страницей в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительные контакты в области образования. В этот период значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могилянской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Особое место в совместных отношениях имели контакты в области медицины, однако они были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Перевод со словацкого языка Л. Широковой

Список литературы

1. Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
2. Булашев Г. Ириной Фальковский // Труды Киевской духовной академии (далее – ТКДА). 1883. Т. 2.
3. Булашев Г. Ириной Фальковский // Киевская Старина. Киев, 1883. Т. 5.
4. Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953.
5. Исаевич Я. Д. Украинская культура XVIII столетия // Вопросы истории. 1980. № 8.
6. Кулябко Е. С. К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке // Русская литература XVIII века и другие славянские литературы. М.; Л., 1963. С. 168–171.
7. Кулаковский П. Начало русской школы у сербов в XVIII веке // Отделение русского языка и словесности импер. Акад. наук. СПб., 1903. Кн. 3.
8. Курмачева М. Д. Петербургская академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975.
9. Любименко И. И. Ученая корреспонденция Академии наук в XVIII веке. М.; Л., 1937.

10. Махновец Л. Григорій Сковорода. Киев, 1972.
11. Микитась В. Л. Давні рукописи і стародруки. Ужгород, 1961.
12. Модзалевский В. Л. Малороссийский Родословник. Киев, 1908. Т. II.
13. Мольнар М. Невідомий лист Сковороди // Радянське літературознавство. 1958. № 2.
14. Петров Н. Воспитанники Киевской академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721–1762) // Известия отделения русского языка и словесности АН. 1904. Т. 9. Кн. 4.
15. Петров Н. И. Автобиографические записки преосвященного Ириней Фальковского // ТКДА. К., 1907. № 7. С. 456–479.
16. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокоровище. М., 1704.
17. Роль Киево-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів // Збірник наукових праць. Киев, 1988.
18. Русско-французский лексикон. Петербург, 1762.
19. Серебrennikov В. Киевская академия с половины XVIII века // ТКДА. Киев, 1846. Т. 2. № 6.
20. Сковорода Г. Твори в двох томах. Киев, 1961. Т. II.
21. Шевченко Ф. П. Закарпатці – студенти Київської академії 18 ст. // УІЖ. 1965. № 6.
22. Шевченко Ф. П. Роль Киево-Могилянської академії в культурних зв'язях з балканськими країнами в XVIII столітті // Роль Києво-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів. Киев, 1988.
23. Штернберг Я. И. Студенти і вихованці Київської академії в Угорщині у 18 ст. // УІЖ. 1965. № 4. С. 102–108.
24. Штернберг Я. П. Из истории экономических и культурных связей между Россией и Венгрией в XVIII в. // Международные связи России в 17–18 вв. М., 1966.
25. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1947.
26. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. Петербург, 1883.
27. Хижняк З. И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988.
28. Arneth A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland. Wien, 1869.
29. Batholomaeides L. Inlyti Superioris Ungariae comitatus Göröriensis Notitia Historico-geographico statistika. Leutschoviae, 1805–1808.
30. Bel M. Notitia Hungariae novae Geographico-historica. Tomus 1–6. Viennae, 1735–1742.
31. Bokesová-Uherová M. Zdravotníctvo na Slovensku v období feudalizmu, Bratislava, 1973.
32. Daniš M. Slovensko, husári a cárovná. Bratislava, 1992.
33. Eliáš M. Adam František Kollár. Martin, 1968.
34. Florovský A. V. Čeští jezuité na Rusi. Praha, 1941.
35. Haraksim L. К социальным и культурным деіям Украинцев на Slovensku до року 1867. Bratislava: SAV, 1961.
36. Klímová K. К словенско-руським вzt'ахом на ўсеку біологіе а медіцины в минулости // Біологія 1958, XIII. 2. S. 139–140.
37. Kollar A. F. Historiae iurisque publici regni Ungariae amoenitas I–II. Vindobonae, 1783.
38. Korešpondencia Jozefa Dobrovského. Praha, 1906.
39. Kovijanič R. Štúdie z dejín juhoslovansko-slovenských vzt'ahov. Martin, 1975.
40. Kovijanič R. Srpski pisci u Bratislavi i Modri XVIII veka. Novi Sad, 1973.
41. Markusovszky S. Pozsonyi ág. hitv. ev. lyceum története. Pozsony, 1896.
42. Markusovszky S. Geschichte der evang. Kirchengemeinde zu Pressburg. D. I. Pressburg, 1906.
43. Martinka J. Vědecké styky Istropolisu a Petropolisu v geografii r. 1735 // Pražská univerzita moskevské univerzite, Praha, 1955.

44. Pray G. *Dissertationes historico criticae in annales veteres Hunnorum et Hungarorum*. Vindobonae, 1774.
45. Schultheisz, E., Tardy L. *Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából*. Budapest, 1960.
46. Sternberg J. *Kievi diákok Magyarországon a XVIII században // Utak, találkozások, emberek*. Uzsgorod, 1974.
47. Tibenský J., Bokesová-Uherová M. *Priekopníci slovenskej kultúry*. Bratislava, 1975.
48. Tibenský J. *Dejiny vedy a techniky na Slovensku*. Bratislava, 1978.
49. Tibenský J. *Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburskej ríši a na Slovensku v 18. storočí // Maximilián Hell. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella*, Bratislava, 1990.
50. Varsík B. *Národnostný problém Trnavskej Univerzity*. Bratislava, 1938.
51. Vávra J. *Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I // Historické štúdie (HŠ) VIII*, 1963, c. 199–240.
52. Vávra J. *Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II // HS XII*, 1967, c. 211–224.
53. Wesszprémi I. *Succinta medicorum Hungariae et Transylvaniae biographia I*. Lipsiae, 1774.

Поступила 15.09.2017; принята к публикации 15.10.2017

Даниш Мирослав, профессор кафедры всеобщей истории, Университет имени Я. А. Коменского, Словакия, г. Братислава, miroslav.danis@uniba.sk

FROM THE SLOVAK-RUSSIAN TIES IN THE 18TH CENTURY

Miroslav Danish

Slovak-Russian cultural, educational and scientific contacts in the XVIII century were very diverse. Their development depended, as a rule, on specific political, social, or territorial conditions. Scientific correspondence, exchange of views and scientific contacts in various branches of the humanities and natural sciences were carried out on the initiative of scientists and played an important role in the development of enlightenment and culture in the countries of Central and Eastern Europe. The Austrian monarchy suffered significantly as a result of the counter-reformation, and conditions for the development of science, including foreign scientific contacts, were unfavorable. If they existed, they were limited to the predominantly Catholic regions of Europe. In Slovakia, unlike the rest of the Habsburg monarchy, the most favorable conditions for the dissemination of enlightenment and science have developed, in part because the Viennese government tolerated the non-Catholic environment in Hungary to an extreme extent. The situation changed in the second half of the XVIII century, when the Enlightenment reached its zenith. The era of Theresian enlightenment began to solve the problem of establishing broader connections with foreign scientific centers. The borders for mutual information and the exchange of scientific views were gradually opened. The transcription of the Petersburg Academicians (T. S. Bayer, H. Goldbach and I. G. Gmelin) with Slovak scientists is a valuable material for studying the relations between Russian and Slovak science. It shows that the origins of these links already in the first half of the XVIII century. Stood the Slovak scholars Matej Bel and Samuel Mikovini. Matej Bel, a great scholar and supporter of religious tolerance, and Samuel Mikovini went beyond the bounds of the then science and embarked on a completely

unconventional path. The successor and successor of Matej Bel has become an employee of the court Viennese library, and then its director Adam Frantisek Kollar. A special place in the development of Russian-Slovak scientific and cultural ties was the spread of Russian books in Slovakia. In the eighteenth century, the delivery of books from the Slavic East to Slovakia through the territory of Transcarpathia became very significant. An important page in the history of Russian-Slovak relations in the eighteenth century are cultural and educational contacts in the field of education. In this period, a significant place in their development belongs to the Kiev-Mohyla Academy, whose influence extended far beyond Russia and Ukraine. A special place in the joint relations was occupied by contacts in the field of medicine. Slovak-Russian scientific contacts, however, were largely sporadic and did not have a systematic character.

Keywords: scientific relations, correspondence, enlightenment, St. Petersburg Academy of Sciences, Bratislavsky Lyceum.

Acknowledgements: the article was translated as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Danish M. From the history of Slovak-Russian relations in the XVIII century. West – East. 2017, no. 10, pp. 20–47.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47

References

1. Bazhova A. P. Russko-yugoslavyanskije otnosheniya vo vtoroi polovine XVIII v. [Russian-Yugoslavian relations in the second half of the XVIII century]. Moskva, 1982. (In Russ.).
2. Bulashev G. Irinei Fal'kovskii [Irinei Falkovsky]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii (dalee TKDA)* = Proceedings of the Kiev Theological Academy (further PKTA), 1883, vol. 2, pp. 229–319; 444–514; 546–625. (In Russ.).
3. Bulashev G. Irinei Fal'kovskii [Irinei Falkovsky]. *Kievskaya Starina*, Kiev, 1883, vol. 5. (In Russ.).
4. Grombakh S. M. Russkaya meditsinskaya literatura XVIII veka (Russian medical literature of the XVIII century). Moskva, 1953. (In Russ.).
5. Isaevich Ya. D. Ukrainskaya kul'tura XVIII stoletiya [Ukrainian culture of the XVIII century]. *Voprosy istorii* = Issues of history, 1980, no. 8. (In Russ.).
6. Kulyabko E. S. K istorii slovatsko-russkikh nauchnykh svyazei v XVIII veke [To the history of Slovak-Russian scientific relations in the XVIII century]. *Russkaya literatura XVIII veka i drugie slavyanskije literatury* = Russian literature of the XVIII century and other Slavic literature, Moskva; Leningrad, 1963, pp. 168–171. (In Russ.).
7. Kulakovskii P. Nachalo russkoi shkoly u serbov v XVIII veke [Beginning of the Russian school with the Serbs in the XVIII century]. *Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti imper. Akad. nauk* = Department of the Russian language and literature impe. Acad. sciences, Saint Petersburg, 1903, Kn. 3. (In Russ.).
8. Kurmacheva M. D. Peterburgskaya akademiya nauk i M. V. Lomonosov [Petersburg Academy of Sciences and M. V. Lomonosov]. Moskva, 1975. (In Russ.).
9. Lyubimenko I. I. Uchenaya korrespondentsiya Akademii nauk v XVIII veke [Academic correspondence of the Academy of Sciences in the XVIII century]. Moskva; Leningrad, 1937. (In Russ.).
10. Makhnovets L. Grigorii Skovoroda. Kiev, 1972. (In Russ.).
11. Mikitas' V. L. Davni rukopisi i starodruki [Ancient manuscripts and early printed matter]. Uzhgorod, 1961. (In Ukrain.).
12. Modzalevskii V. L. Malorossiiskii Rodoslovnik [The Little Russian Renaissance]. Kiev, 1908, vol. II, K.–Ya. (In Russ.).
13. Mol'nar M. Nevidomii list Skovorodi [Unknown sheet of Skovoroda]. *Radyans'ke literaturoznavstvo* = Soviet Literary Studies, 1958, no. 2. (In Ukrain.).

14. Petrov N. Vospitanniki Kievskoi akademii iz serbov s nachala sinodal'nogo perioda i do tsarstvovaniya Ekateriny II (1721–1762) [Pupils of the Kiev academy from Serbs from the beginning of the synodal period and to the reign of Yekaterina II (1721–1762)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN* = News of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences, 1904, vol. 9, book 4. (In Russ.).
15. Petrov N. I. Avtobiograficheskie zapiski preosvyashchennogo Irineya Fal'kovskogo [Autobiographical notes of His Eminence Irenaeus Falkowski]. *TKDA = PKTA*, Kiev, 1907, no. 7, pp. 456–479. (In Russ.).
16. Polikarpov F. P. Leksikon trekh'yazychnyi, sirech' rechenii slavyanskikh, ellino-grecheskikh i latinskikh sokorovichche [Lexicon trilingual, or the speech of Slavic, Hellenic Greek and Latin sokorovische]. Moskow, 1704. (In Russ.).
17. Rol' Kievo-Mogilyanskoi akademii v kul'turnomu ednanni slov'yans'kikh narodiv [The role of the Kyiv-Mohyla Academy in the cultural association of the word peoples]. *Zbirnik naukovikh prats'* = Collection of scientific works. Kiev, 1988. (In Ukrain.).
18. Russko-frantsuzskii leksikon [Russian-French lexicon]. Peterburg, 1762. (In Russ.).
19. Serebrennikov V. Kievskaya akademiya s poloviny XVIII veka [Kiev Academy since the XVIII century]. *TKDA = PKTA*, Kiev, 1846, vol. 2, no. 6. (In Russ.).
20. Skovoroda G. Tvoriv v dvokh tomakh [Create in two volumes]. Kiev, 1961, vol. II. (In Ukrain.).
21. Shevchenko F. P. Zakarpattsi – studenti Kiivs'koï akademii 18 st. [Zakarpattia – students of the Kiyiv Academy of the 18th century.]. *UIZh*, 1965, no. 6. (In Ukrain.).
22. Shevchenko F. P. Rol' Kievo-Mogilyanskoi akademii v kul'turnykh svyazyakh s balkanskimi stranami v XVIII veke [The role of the Kiev-Mohyla Academy in cultural relations with the Balkan countries in the eighteenth century]. *Rol' Kievo-Mogilyans'koï akademii v kul'turnomu ednanni slov'yans'kikh narodiv* = The role of the Kyiv-Mohyla Academy in the cultural association of the Slavic peoples, Kiev, 1988. (In Russ.).
23. Shternberg Ya. I. Studenti i vikhovantsi Kiivs'koï akademii v Ugorshchini u 18 st. [Students and pupils of the Kiyiv Academy in Hungary in the 18th century]. *UIZh*, 1965, no. 4, pp. 102–108. (In Ukrain.).
24. Shternberg Ya. P. Iz istorii ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazei mezhdou Rossiei i Vengrii v XVIII v. [From the history of economic and cultural ties between Russia and Hungary in the 18th century]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v 17–18 vv.* = International relations of Russia in the 17–18 centuries, Moskow, 1966. (In Russ.).
25. Florovskii A.B. Chekhi i vostochnye slavyane [Czechs and Eastern Slavs]. Praga, 1947. (In Russ.).
26. Chistovich Ya. Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the first medical schools in Russia]. Peterburg, 1883. (In Russ.).
27. Khizhnyak Z. I. Kievo-Mogilyanskaya akademiya [Kiev-Mohyla Academy]. Kiev, 1988. (In Ukrain.).
28. Arneth A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland [Josephus II. Imperator. Correspondence (with) Katharina of Russia]. Wien, 1869. (In German.).
29. Batholomaeides L. Inlyti Superioris Ungariae comitatus Göröriensis Notitia Historico-geographico statistika. Leutschoviae 1805–1808. [The beauty of Upper Hungary accompanied Göröriensis Notice historic-geographic Statistik. Leutschoviae 1805–1808]. (In Latin.).
30. Bel M. Notitia Hungariae novae Geographico-historica. Tomus 1–6 [Information Hungary new Geographico-historical. Vol. 1–6]. Viennae, 1735–1742. (In Latin.).
31. Bokesová-Uherová M. Zdravotníctvo na Slovensku v období feudalizmu [Health care in Slovakia during feudalism]. Bratislava, 1973. (In Slovak.).
32. Daniš M. Slovensko, husári a cáróvná [Slovakia, the Hussars and the Barracks]. Bratislava, 1992. (In Slovak.).
33. Eliáš M. Adam František Kollár. Martin, 1968. (In Slovak.).
34. Florovský A. V. Čestí jezuité na Rusi [Florovsky A. V. Czech Jesuits in Russia]. Praha, 1941. (In Czech.).
35. Haraksim L. K sociálnym a kul'túrnym dejinám Ukrajincoiv na Slovensku do roku 1867 [The social and cultural history of Ukrainians in Slovakia until 1867]. Bratislava: SAV, 1961. (In Slovak.).

36. Klímová K. K slovensko-ruským vzťahom na úseku biológie a medicíny v minulosti [On Slovak-Russian relations in the field of biology and medicine in the past]. *Biológia = Biology*, 1958, XIII, 2, pp. 139–140. (In Slovak).
37. Kollarii A. F. *Historiae iurisque publici regni Ungariae amoenitas I–II* [History of the law of the public realm Ungariae attractions I–II]. Vindobonae, 1783. (In Latin.).
38. Korešpondencia Jozefa Dobrovského [Correspondence of Jozef Dobrovsky]. Praha, 1906, p. 173. (In Czech.).
39. Kovijanič R. Štúdie z dejín juhoslovansko-slovenských vzťahov [Kovijanic R. Study from the History of Yugoslav-Slovak Relations]. Martin, 1975. (In Slovak.).
40. Kovijanič R. Srpski pisci u Bratislavi i Modri XVIII veka [Kovijanic R. Serbian writers in Bratislava and the Blue of the 18th century]. Novi Sad, 1973. (In Slovak.).
41. Markusovszky S. Pozsonyi ág. hitv. ev. lyceum története [Bratislava branch. hitv. year. lyceum story]. Pozsony, 1896 (In Hung.).
42. Markusovszky S. Geschichte der evang. Kirchengemeinde zu Pressburg [History of the Protestant parish of Bratislava]. D. I. Pressburg, 1906. (In German.).
43. Martinka J. Vědecké styky Istropolisu a Petropolisu v geografii r. 1735 [Scientific relations of Istropolis and Petropolis in geography r. 1735]. *Pražská univerzita moskevské univerzite = Prague University of Moscow University*, Praha, 1955. (In Czech.).
44. Pray G. *Dissertationes historico criticae in annales veteres Hunnorum et Hungarorum* [Et critical chronicle the history of ancient Huns and the Hungarians]. Vindobonae, 1774. (In Latin.).
45. Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából [Chapters from the past of Russian-Hungarian medical records]. Budapest, 1960. (In Hung.).
46. Sternberg J. Kievi diákok Magyarországon a XVIII században [Kiev students in Hungary in the XVIII century]. *Utak, találkozások, emberek = Roads, encounters, people*, Uzsgorod, 1974. (In Hung.).
47. Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Priekopníci slovenskej kultúry [Pioneers of Slovak Culture]. Bratislava, 1975. (In Slovak.).
48. Tibenský J. Dejiny vedy a techniky na Slovensku [History of science and technology in Slovakia]. Bratislava, 1978. (In Slovak.).
49. Tibenský J. Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburskej ríši a na Slovensku v 18. Storočí [Attempts to Organize Scientific Life in the Habsburg Empire and Slovakia in the 18th Century]. *Maximilián Hell. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella = Maximilian Helo. Proceedings of lectures from the conference on the life and works of Maximilian Helo*, Bratislava, 1990. (In Slovak.).
50. Varsík B. Národnostný problém Trnavskej Univerzity [The national problem of Trnava University]. Bratislava, 1938. (In Slovak.).
51. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I [Letters of Matěj Bel to St. Petersburg Academics I]. *Historické štúdie (HŠ) VIII = Historical Studies (HS) VIII*, 1963, pp. 199–240. (In Slovak.).
52. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II [Letters of Matěj Bel to St. Petersburg Academics II]. *Historické štúdie XII = Historical Studies VII*, 1967, pp. 211–224. (In Slovak.).
53. Weszprémi I. *Succinta medicorum Hungariae et Transylvaniae biographia I* [Succinta of medical Hungary and Transylvania biographia i London 1774]. Lipsiae, 1774. (In Latin.).

Submitted 15.09.2017; revised 15.10.2017

Miroslav Danish, Full Professor, professor of the Department of General History, Comenius University, The Slovak Republic, Bratislava, miroslav.danis@uniba.sk